

ВИТАЛИЙ ЛЕХЦИЕР

* * *

Выпечки снежное мясо и булочных войлок,
жареный запах барабанины на пикнике,
мыльный пузырь, раздражающий воздух невольно
пылким хлопком, - вот и легкая смерть в языке.
Гулкая тяжесть проезжей - и та налегке.

На кофейную гущу смотри и гадай по руке.
Грамматический строй, уличенный в цезарских замашках,
ничего, что романская кровь протекает в ромашках
и несносная честность, как листра, горит в чесноке.
У глагола в глазах дзэн-буддийская тяга к молчанию,
прилагательных сброд копошится, как тетка в приемных,
и рыгают слова, не подверженные одичанию,
и боятся желаний, как дети - прохожих огромных.

* * *

1.
Телевизор с утра, никотин натощак,
преферанс по двенадцать часов,
запах спирта, отсутствие мяса во щах,
речь народная из-под усов.

Кипятильник шумит - пузырится вода,
двести девять страниц Деррида,
в помещенье общественном вешай топор,
головной нелегален убор.

Орбит новый, процессоры, кариес, мат
неизбежен, готов бутерброд,
"Коммерсантъ" на кого-то собрал компромат,
закадычный программ разворот.

Иглы, вата, мороз за окном, детектив,
неразгадан всем миром кроссворд,
тот, кто смело вистует, записан в актив,
кальций с хлором освоен, как Word.

Неразборчивость, неразбериха, судьба,
отвлеченност, отчетливость, пат,
у завещанной ясности сбита резьба,
виртуального вируса спад.

От последней газеты давленье растет
и в крови уменьшается мед,
полотенце висит, одеяло лежит,
и меня только равный поймет.

2.
Добрые сутки берешь с потолка,
лампы не гаснут, пустеют пакеты,
войны идут, запускают ракеты,
яблоко кисло, и груша горька.

Под улюлюканье магнитофона
жабу грудную пустить с молотка.

Двери открыты: шаги и возня,
как на случайной бумаге - мазня,
кожа бледнеет, краснеют режимы,
окна - и те суетой одержими.

Шубы расправлены, плечи размякли,
фибры набухли, в которых - резня.

Шум героический стынет в ушах,
образ stoический, стон в курмышах,
я на бегу успеваю согреться
и превратиться в рояль в камышах.

Вот и ползет аромат из клозета
и поднимается, как на дрожжах.

Раковина, протекает труба:
сгнили прокладки и стенка слаба,
неисследимы пути слесарей,
так накажи их, Господь, поскорей.

3.
Тонкие прутья, на них еще.
Буду сидеть здесь, мозолить зрене.
Геометрический сплин трущоб...

(Не называй, не владай в обман,
самогипноз, речевую кому,
не разрешай ничему такому...).

Хол, потолок, поворот реки,
стенд: обороны сигнал гражданский,
выкройки кресельные мягки.

Мокрыми плитками тапки - чмок.
Я дозвониться опять не смог.
Что-то погибло внутри плафона.

Вот и зацепка - плафон, гудок
(неприподъемный), соломка фона.

* * *

Осенней сырости глоток
не помешает пищеводу.
Как сырое деню - желток.

Автобус душен, хоть и пуст
и не плывешь в уста из уст.

Наружу выйдешь: моросит,
и грязи хлюпающей нету
конца, - как ни бросай монету,
под Ундеры не закосит.

От остановки до метро,
срывая куш воздушных пауз,
когда не требуются даже
ни авторучка, ни перо.

* * *

Коридорами, лестницами -
вниз, вверх.
Кто пыхтит, кто крестится.

Конференциями, лекционными -
книг червь -
щами традиционными.

Что же тогда выходная вылазка
на Проран,
как не велюра вырезка?

Осень, зима - карантин по-прежнему.
Word 7.
И трамвайный стук бередит по-вешнему.

Кафедрами, комками, автобусами -
день в день.
Ребус ребусом. Глобус глобусом.

* * *

Наваждение, сон, маета,
трех оранжевых роз нагота
и тревога; не знаешь, что делать,
не считать же, как в детстве, до ста.

Я не сплю, засыпать не с руки,
если точка не всталла над "и",
никакой разговор не окончишь,
разговоры ведут в туники.

И как скажут в мешпухе: "Таки-
вы горазды чесать языки",
не смотри, все равно не отвечу,
катастрофа, провал, пустяки.